

В последние дни Лэй Хунфэй был невероятно занят — днём дела, а иногда и вечером приходилось засиживаться на совещаниях. Но стоило оказаться в тишине, как мысли его неизменно возвращались к Лин Цзыханю. За все прожитые годы он ещё никогда так сильно ни о ком не тосковал. В юности он был слишком молод и беспечен, полагая, что впереди — целая вечность, а потому никогда особенно не дорожил их отношениями. Даже когда был с Юй Цин, он, бывало, развязно предлагал Лин Цзыханю «попробовать, каково это — быть с женщиной». Лин Цзыхань же в ответ лишь улыблся, ни разу не показав обиды. Вспоминая об этом теперь, Лэй Хунфэй краснел, в душе корежа себя за глупость и бестактность. Как он мог такое совершить? Даже когда с Юй Цин стало расходиться, он утешал себя мыслью, что всегда может вернуться к Лин Цзыханю, и потому чувствовал себя уверенно. Но сейчас в его сердце поселилась тревога, какой он прежде не знал.

Наконец машина остановилась у ворот Двора Мэйюань. Лэй Хунфэй выпрыгнул и почти побежал к дому семьи Лин.

Чжао Сяолань, завидев его, обрадовалась:

— Лэй-гэ, как давно ты не заглядывал!

— Работа, не продохнуть, — улыбнулся Лэй Хунфэй, снимая фуражку и китель. — Цзыхань где?

Чжао Сяолань приняла его вещи, чтобы повесить, и вздохнула:

— Лин-гэ у себя. В последнее время ему совсем нехорошо, почти не выходит из комнаты, отдыхает.

Лэй Хунфэй кивнул и быстро поднялся наверх. Осторожно приоткрыв дверь, он шагнул в знакомую комнату.

Лин Цзыхань был не внутри, а на балконе. Сидел в инвалидном кресле, безучастно глядя на раскинувшуюся перед ним рощу сливовых деревьев. Тишина вокруг него казалась особенной, плотной.

Лэй Хунфэй смотрел на него. Раньше он никогда не видел Лин Цзыханя таким одиноким. Прежде тот всегда встречал его мягкой улыбкой, безмятежный и отстранённый, вызывая у людей непроизвольную нежность. А сейчас он сидел неподвижно, будто заключённый в хрупкую скорлупу одиночества, и даже бесцеремонному Лэй Хунфэю стало до боли щемить в груди.

Он осторожно подошёл, стараясь не спугнуть, и специально вышел ему навстречу, чтобы тот мог его разглядеть.

Лин Цзыхань посмотрел на него, и лишь спустя несколько мгновений уголки его губ дрогнули в подобии улыбки. Но слов не последовало.

Лэй Хунфэй придвинул стул, сел рядом, взял его руки — холодные, почти костлявые — и зажал их в своих ладонях, стараясь согреть.

Лин Цзыхань не стал вырывать. Выражение его лица оставалось отстранённым, бесстрастным.

— Цзыхань, — тихо позвал Лэй Хунфэй.

Тот вопросительно взглянул на него.

— Как ты себя чувствуешь? Не хуже ли? — спросил Лэй Хунфэй.

Лин Цзыхань задумался, словно вопрос требовал сложных вычислений. Наконец он тихо выдохнул:

— Нормально.

Лэй Хунфэй жадно вглядывался в него, будто рассматривая утраченную и вновь обретённую драгоценность. Пусть она пока не принадлежала ему целиком, но была цела — не разбита.

На Лин Цзыхане был толстый чёрный свитер и вельветовые брюки, но он всё равно казался хрупким и худым, словно тростник, готовый сломаться от порыва ветра. Лицо его было бледным, как бумага, а глаза — тёмными, без единого проблеска. Словно не живой человек, а призрак.

Лэй Хунфэй с болью смотрел на него, прежде чем с трудом выдавить:

— Я расстался с Юй Цин.

— Правда? — выражение лица Лин Цзыханя не изменилось — точно такое же, как два года назад, когда Лэй Хунфэй сообщил ему, что хочет попробовать встретиться с Юй Цин.

Лэй Хунфэй стало ещё стыднее. Сердце сжалось от острой боли. Он опустил голову и после паузы пробормотал:

— Цзыхань... я тогда... был неправ. Прости меня.

Лин Цзыхань отвернулся, уставившись в пейзаж за балконом, и не ответил.

Лэй Хунфэй хорошо его знал. В обычной жизни тот никогда не тратил слов попусту, не любил ходить вокруг да около, а потому говорил мало. Многим это казалось застенчивостью или скрытностью, но, если вдуматься, такой подход был единственно верным. Как и сейчас: он уже совершил поступок, уже ошибся. Что изменит прощение? Разве оно способно переписать свершившееся? Лэй Хунфэй нервничал, испытывая горечь оттого, насколько Лин Цзыхань проницателен. Почему он не может хотя бы раз притвориться, сделать вид, что не понимает?

Раньше Лэй Хунфэй мог беззаботно нести перед ним любую околесицу. Теперь же он боялся проронить лишнее слово.

Так они и сидели друг напротив друга в тягостном молчании.

Прошло много времени. За окном сгущались сумерки, вечерний ветер нёс с собой сырую прохладу. Лэй Хунфэй будто очнулся и поспешил закатить кресло с Лин Цзыханем обратно в комнату.

Он почувствовал голод и вдруг спохватился:

— Цзыхань, давай спустимся, поедем чего-нибудь?

Лин Цзыхань подумал и равнодушно ответил:

— Иди один.

В Лэй Хунфэе разыграл упрямый характер. Он уселся рядом, демонстративно скрестив руки:

— Нет. Если ты не пойдёшь, я тоже не пойду.

Лин Цзыхань замолчал. Он казался отстранённым, и понять, о чём он думает, было невозможно.

В воздухе повисла неловкая пауза. Лэй Хунфэй, даже если бы хотел продолжать разговор, не находил подходящих слов. Если разобраться, они не общались по-настоящему уже четыре года. Говорить о чувствах было неловко, о работе — нельзя, о будущем — тем более неудобно. Он теперь взлетел по карьерной лестнице, а Лин Цзыхань принёс огромную жертву, которую не компенсировать никакими орденами и наградами.

Так они и сидели, наблюдая, как последние лучи света медленно покидают комнату.

В этот момент дверь открыл Тун Юэ. Увидев их, он на мгновение замер, затем протянул руку к выключателю. Комната наполнилась мягким светом.

В руках у Тун Юэ был небольшой поднос с миской каши. Он вошёл с улыбкой и ласково сказал:

— Цзыхань, поешь немного.

Лэй Хунфэй вскочил, принял миску и нахмурился:

— И это всё? Разве в этом достаточно питательных веществ?

Тун Юэ терпеливо объяснил:

— Его пищеварительная система сильно ослабла, желудок сократился из-за длительного голодания. Нужно восстанавливаться постепенно. В каше немного куриного фарша, она нежирная и вкусная.

Лэй Хунфэй всё понял. На сердце стало тяжело. Он больше не стал спорить, сел и принялся помешивать кашу, словно собираясь кормить Лин Цзыханя с ложки.

Но тот покачал головой, протянул руку к миске, давая понять, что поест сам.

Лэй Хунфэй на мгновение заколебался, но всё же передал ему миску.

Лин Цзыхань был явно слаб — руки его дрожали. Но он упрямо, ложка за ложкой, доел до конца.

Тун Юэ и Лэй Хунфэй стояли рядом, не сводя с него заботливого взгляда. Когда миска опустела, оба невольно улыбнулись.

— Молодец, — ободряюще сказал Тун Юэ. — Ты восстанавливаешься всё лучше.

Лин Цзыхань промолчал, вернув ему пустую миску.

Тун Юэ поставил её на стол, затем присел перед креслом и мягко спросил:

— Цзыхань, если я соглашусь выйти замуж за твоего отца, ты подаришь мне подарок?

Лин Цзыхань посмотрел на его добрую, интеллигентную улыбку и медленно кивнул.

Тун Юэ обрадовался:

— Тогда я сам выберу, что хочу получить. Договорились?

В глазах Лин Цзыханя мелькнула лёгкая тень настороженности. Он долго смотрел на Тун Юэ, но, не обнаружив в его улыбке скрытого умысла, слегка кивнул.

Голос Тун Юэ по-прежнему звучал мягко:

— Я хочу, чтобы ты встал.

Лин Цзыхань молчал. С детства он никогда не жаловался на боль или трудности. Не жаловался и сейчас, хотя даже в неподвижности каждая клетка его тела словно скручивалась от невыразимого страдания. Каждый день ему хотелось лишь одного — окончательного покоя, избавления от этого измученного, истерзанного тела.

Видя его молчание, Тун Юэ продолжил:

— Цзыхань, я выйду за твоего отца в тот день, когда ты снова встанешь на ноги.

Лин Цзыхань помолчал, затем медленно опустил ноги на пол и поднялся. Движения его были уверенными, будто в нём вновь пробудилась та скрытая внутренняя сила, что была в нём прежде.

Тун Юэ был потрясён. Он медленно выпрямился, глядя на Лин Цзыханя со смесью волнения и неверия, и не мог вымолвить ни слова.

Лэй Хунфэй тоже сиял от счастья, бормоча про себя:

— Цзыхань... Цзыхань... Это так здорово... Просто чудесно...

Лин Цзыхань посмотрел на Тун Юэ и тихо спросил:

— Теперь достаточно?

Тун Юэ закивал, не в силах сдержать эмоций:

— Спасибо, Цзыхань. Это самый драгоценный подарок в моей жизни.

<http://bllate.org/book/16287/1468795>